

**РУССКИЙ ОСТРОГ В СИБИРИ КОНЦА XVI – XVIII ВЕКА
КАК АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК***

Первая часть работы посвящена разграничению значений терминов «зимовье», «острог», «город», «крепость», «кремль», которое осуществляется на основе обзора литературы, посвященной выделению характерных черт данных объектов в Сибири. В основе разграничения значений лежит три основных критерия: исторический, административный и архитектурно-композиционный, что не учитывает археологической специфики. Вторая часть работы посвящена выделению археологических признаков острога.

Ключевые слова: археологический памятник, острог, зимовье, город, крепость, кремль, Умревинский острог.

Сибирские остроги конца XVI – XVIII в. уже более ста лет являются объектами археологического изучения. Памятники этого типа отличаются большой площадью, содержащей достаточно много разнородных объектов, комплекс которых создает конкретный облик памятника и является отражением исторической действительности. Однако в силу множества причин (большая площадь, частичная утрата культурного слоя, нахождение на территории функционирующего населенного пункта, вечная мерзлота, плохая сохранность органических материалов и пр.) в подавляющем большинстве случаев не удается археологически исследовать острог полностью, поэтому для реконструкции исторической действительности важное значение приобретает сравнение данных исследуемого острога с результатами изучения других сибирских острогов. Применение такого приема основывается на предположении о схожести объектов разных острогов, совокупность которых образует острог, а также на предположении об однотипности исторических процессов, протекавших на территории острогов и в их окрестностях. Все это подразумевает, что

существует устоявшееся общепринятое представление об остроге как об археологическом памятнике, что не соответствует действительности. Не только не существует устоявшегося представления об остроге как об особом типе археологического памятника, но в сибирской археологии даже не была сформулирована такая проблема.

В настоящей работе предпринимается попытка выделения признаков сибирских острогов конца XVI – XVIII в. как археологических памятников. Попытки дать определение термину «острог» и смежным понятиям («город», «крепость», «кремль», «острожек», «зимовье») предпринимались неоднократно, однако все они оставляли вне поля зрения археологическую специфику такого рода объектов.

А. Р. Артемьев в монографии «Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII в.» дает определение «острогу», «зимовью» и «городу». Под «зимовьем» автор подразумевает избу с боевой надстройкой или несколько таких изб, соединенных стенами и образующих двор. По мнению А. Р. Артемьева, под «острогом» следует понимать такие укрепления, где

---

* Работа выполнена в рамках ГК № 14.740.11.0766 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России».

гражданские постройки за редким исключением не имели своих оборонительных приспособлений. Все защитные функции выполняют стены и башни (иногда башен нет). Тыновые стены могут сочетаться с земляным валом. Под «городом» подразумевается укрепление, у которого стены в виде городен или тарасов. По мнению автора, так было до тех пор, пока этот термин не приобрел социальное значение и не стал присваиваться официально безотносительно конструкции крепостных стен. С XVIII в. все оборонительные сооружения в Забайкалье называются крепостями. Однако в самой монографии присутствует некоторая путаница между «зимовьем» и «острогом». Некоторые объекты, которые по описанию соответствуют зимовью, в работе названы острогами. По всей видимости, противоречие вызвано существованием традиции наименования конкретного объекта термином «острог» или «зимовье» [Артемьев, 1998. С. 145; 1999. С. 124, 125].

Подробный разбор некоторых терминов представлен в монографии М. П. Черной «Томский кремль». Опираясь на работы предшественников, автор составляет собственное представление о том, какого рода объекты следует именовать «острогом», «городом», «крепостью» или «кремлем». В основу разделения понятий М. П. Черная положила архитектурно-композиционный и административно-функциональный критерии. Под «острогом» автор понимает объект рангом ниже города. Даже наличие венчатых стен не делало укрепление городом. Острог как композиционная часть поселения представлял наружную часть укреплений по отношению к укрепленному центру-кремлю и назывался окольным городом, а позже посадом, обнесенным самостоятельной оборонительной стеной острожной конструкции. Возрастание административной и социально-экономической значимости острога делало его городом. При этом тип укрепления не имеет значения. В этом случае «городом» мог называться как крупный административный многофункциональный центр, так и его центральная укрепленная часть в отдельности. По мнению М. П. Черной, под «крепостью» следует понимать городской центр, когда он имеет военное значение. Под «кремлем» автор понимает наиболее укрепленную часть города, административно-политический, культурно-идео-

логический, общественный центр. В этом он совпадает с городом. Однако под «городом» принято подразумевать населенный пункт в целом, поэтому, чтобы выделить его центральную часть, автор считает целесообразным использовать термин «кремль» [Черная, 2002. С. 6–8].

О. В. Бычков подходит к определению термина «острог» исключительно с исторической точки зрения. По его мнению, в конце XVI – первой половине XVII в. острогами называли тип крепостного укрепления со стенами и башнями, а со второй половины XVII и в XVIII в. – сложное фортификационное сооружение с развитой системой обороны (башни, стены, дополненные рвом, валом, подпорными стенками и прочими инженерными сооружениями). В это время острог – это административный, финансовый, ясный, культовый центр обширной провинции, имевший посадское и служилое население [1995. С. 142].

В коллективной статье, посвященной основным результатам археологических исследований Илимского острога, содержится краткое описание характерных архитектурных черт острогов и зимовий. Под «зимовьем» понимается деревянная низкая изба с нарами и печкой. Часто зимовье обносилось частоколом. Острогами, по мнению авторов, следует считать объекты с прямоугольной в плане оградой из вертикально поставленных бревен-тынин диаметром 20–30 см и высотой 2–4 сажени, по углам которых поставлены одна или две башни (со временем их число увеличивалось) [Васильевский и др., 1978. С. 215]. А. В. Огурцов полагает, что в конце XVII – начале XVIII в. строгого деления на города и остроги не существовало или оно стало забываться [1986. С. 131].

С. Н. Баландин считает, что в XVII в. зимовьями назывались курные избы с плоской крышей, низкой дверью в срубе и волоковыми окнами. Около избы часто ставили крест. Вход мог быть сделан и в кровле, являясь также дымовым отверстием. Такие сооружения часто окружались тыном. Острогами же считались временные оборонительные сооружения, которые сооружались на период, пока будут построены более мощные городские укрепления. Острогом также окружался посад [1974. С. 11, 17, 18, 31].

В. И. Кочедамов в монографии «Первые русские города Сибири» описывает типич-

ное зимовье как жилую постройку (или несколько построек), приспособленную для обороны. Иногда несколько построек соединялись тыном, образуя двор. Внутриострожные же строения не имели оборонительных укреплений. Под «кремлем» автор подразумевает внутреннюю крепость [1978. С. 35–37, 51].

В монографии Н. П. Крадина «Русское оборонное деревянное зодчество» [1988] представлены определения всех «конкурирующих» терминов – «зимовья», «острога», «города», «крепости» и «кремля». Под «зимовьем» автор подразумевает небольшой укрепленный пункт (компактный комплекс разных по назначению построек), где живут или останавливаются зимой, несут сторожевую службу или занимаются каким-либо промыслом. С XVII в. под «острогом» подразумевается тип стены. В дальнейшем значение этого термина расширяется, под «острогом» начинают понимать частокол или палисадник из свай, заостренных сверху, поселение, укрепленное острогом, тип крепости и тюрьму. С XVII в. «город» означает крепостную стену безотносительно ее конструкции. «Крепость» и «кремль» имеют одинаковое значение – обнесенный крепостными стенами общественный и административный центр древнерусского города.

По мнению Ф. Ласковского, «острогом» в XVII в. считался укрепленный пункт, обнесенный тыном, а «городом» – всякое жилое место, окруженное деревянной венчатой стеной. «Кремль» также имел венчатую стену с башнями, но был дополнительно защищен внешними стенами [1885. С. 9, 12, 16].

На основе анализа «Чертежной книги Сибири», С. Н. Баландин [1974. С. 9] сформулировал признаки «острога» и «города», которыми руководствовался С. У. Ремезов в своей работе. В качестве «острога» на карте изображалось укрепление из стоячего тына. Впоследствии остроги дополнялись башнями (до 4 шт.). Городом же обозначалось укрепление, если башен более четырех или укрепление с венчатыми стенами и количеством башен менее четырех.

Существуют свидетельства того, что «острогами» назывались укрепленные поселения аборигенного населения. Так, Г. В. Штеллер сообщает о том, что все поселения, как русские, так и ительменские, именовались казаками «острогами». В частности, казаки

называли «острогами» высокие утесы и скалы у моря или отдельные утесы в море, на которых проживали аборигены [Steller, 1963. S. 123]. Урлюково городище местного населения русские также называли острогом [Добжанский, 2005. С. 45]. О том, что у якутов были остроги, упоминает С. Н. Баландин [1974. С. 31]. Е. А. Ополовникова приводит данные о том, что до прихода русских на северо-восток Азии у местных жителей были косые острожки [1989. С. 65].

Археологами и историками архитектуры остроги характеризуются по семнадцати признакам. Чаще всего упоминается такой признак острога, как тыновые стены (пять исследователей из восьми). Трое исследователей острогом называют посад, обнесенный тыновой стеной. Остальные признаки упоминаются один, реже – два раза. Таким образом, выделяется два основных значения термина «острог»: 1) посад, обнесенный тыновой стеной и 2) крепость с тыновой стеной (о том, что это именно фортификационное сооружение, свидетельствуют иные признаки, в сочетании с которыми упоминается наличие тыновой стены). Это «историческая» интерпретация термина «острог», которая не характеризует сибирский острог как археологический памятник, но используется в сибирской археологии.

Обзор мнений показывает, что функциональных отличий между острогом, городом, крепостью и кремлем фактически нет, т. е. археологические памятники, в которые превратились эти объекты, сформировались в результате однотипной деятельности людей, их населявших и посещавших. Разница лишь в масштабах: у города он больше, у острога меньше. Прочие отличия сводятся к размытым разграничениям двух терминов («острог» и «город») по типу стен, что не может быть достаточным основанием к выделению этих объектов в отдельные типы археологических памятников. Поэтому целесообразно отнести все объекты конца XVI – XVIII в. к одному типу археологических памятников (кроме зимовья). Наиболее подходящим термином представляется «острог», так как прочие термины либо имеют существенную дополнительную смысловую нагрузку («городом» назывался крупный населенный пункт в целом), либо, напротив, сильно усеченную («крепость», «кремль»). Термин «крепость» (и в ряде случаев «кремль») указывает лишь на военную

функцию объекта, не характеризуя его полнотой, что недостаточно для выделения отдельного типа археологических памятников. Термин «кремль», по сути, указывает лишь на архитектурно-композиционную составляющую и также не может представлять отдельный тип археологических памятников.

Кроме разграничения понятий «острог», «зимовье», «город», «крепость», «кремль», есть необходимость установить различия и между «острогом», с одной стороны, и фортификационными сооружениями, которые пришли на смену «зимовьям» и «острогам» в XVIII в. – «крепостью», «редутом», «форпостом» и «станцией» – с другой.

Отличие новых типов оборонительных сооружений заключается в том, что они возводились в составе пограничных линий по заранее разработанному плану и имели целью защиту границ от набегов соседних народов, поэтому при их возведении в гораздо меньшей мере (чем при возведении острогов) учитывались характер гидросистемы местности и факторы удобства осуществления административных функций.

По своей конструкции укрепленные пункты пограничных линий были весьма схожи. Ограда крепостей имела многоугольную бастионную планиграфию. Оборонительные сооружения представлены рвом, насыпью и заплотом, которые окружали рогатки и надолбы. Сообщение с полем осуществлялось через трехэтажную башню, верхний этаж которой служил для наблюдения. Редуты имели квадратную планиграфию с небольшими бастионами по углам. Оборонительные сооружения те же, что и у крепости, только вместо заплота тыловая стена. Сообщение с полем осуществлялось через башню с каланчой. Форпосты – то же, что редуты, только несколько меньших размеров. Станции – то же, что редуты, но меньше, чем форпосты.

Все названные типы укреплений имели на защищенной территории строения исключительно военного назначения и связанные с жизнеобеспечением гарнизона. При недостатке пространства внутри оборонительных сооружений строения выносились за их пределы и обносились отдельной стеной [Ласковский, 1885. С. 138–145]. Принципиальные отличия в конструкции и в функциях, которые выполняли эти оборонительные сооружения, обуславливают отли-

чие этих объектов как археологических памятников от острогов.

Отсутствие четкого представления о том, что из себя представляет острог как археологический памятник, порождает ряд существенных ошибок при поиске и локализации такого рода памятников.

Процедура локализации памятника типа «острог» на местности достаточно стандартна. Поиск начинается с выявления и анализа письменных источников, которые в дальнейшем, как правило, уточняются свидетельствами тех лиц, которые когда-то побывали на месте памятника и оставили сведения о его местонахождении. Так удается установить примерное место расположения острога. При наличии видимых остатков предполагаемого острога на местности зачастую делается предположение о том, что острог располагался именно здесь (земляные оборонительные сооружения, остатки острожных строений и сооружений). При отсутствии видимых остатков острога на местности проводится шурфовка или полноценные раскопки для точной локализации памятника. При этом считается достаточным обнаружение культурного слоя русского периода с материальным комплексом соответствующего времени. Например, А. В. Ермоленко устанавливает место расположения Березова, опираясь на находки фрагментов гончарной керамики, кованых гвоздей, скоб, скреп, петель, монет XVIII – начала XX в., пули, костяного наконечника стрелы, костей домашних и промысловых животных, печной обожженной глиняной обмазки, фрагментов листовой слюды, а также на многочисленные остатки деревянных сооружений и комплекс столбовых ямок. Дополнительным аргументом является высокая насыщенность культурного слоя находками, хотя, по всей видимости, для острогов, напротив, характерна низкая насыщенность культурного слоя предметами материального комплекса [Бородовский, Горохов, 2009; Визгалов, Пархимович, 2008; Ермоленко, 2006; Молодин, Добжанский, 1978; Скобелев, Худяков, 2000].

Однако этого совершенно недостаточно для того, чтобы локализовать памятник, так как практически все возможные находки не могут быть датированы достаточно узким периодом времени за исключением нумизматического материала и редких находок китайских фарфоровых изделий с указанием

императора, правившего на момент изготовления изделия¹ [Бердников, 2009; Черная, 2002. С. 36]. Это означает, что культурный слой может относиться как к острогу, так и к периоду после него, а также может вовсе не относиться к острогу.

Еще одна существенная ошибка может быть вызвана тем обстоятельством, что считается достаточным обнаружить один из элементов, присущих конструкции острога для точной локализации этого памятника. В роли таких элементов выступают земляные оборонительные сооружения, остатки стены или башни. Так, при целенаправленном поиске первоначального места расположения Кузнецкого острога земляные сооружения неизвестного происхождения и назначения были атрибутированы как земляные оборонительные сооружения острога [Добжанский, Ширин, 2002. С. 225, 226]. Но этого совершенно не достаточно, так как рвы и валы присущи не только острогам, но и многочисленным городищам местного населения. В Сибири также существовала традиция ограждения рвом русских некрополей [Бородовский, Горохов, 2009. Рис. 10, 1]. Месторасположение Березова устанавливается Г. П. Визгаловым по месту обнаружения остатков отрезка тыновой стены и остатков башни.

Обнаружение нескольких нижних венцов четырехугольного сруба само по себе не дает оснований для того, чтобы интерпретировать находку как остатки башни, так как это вполне может быть остатками сруба избы или иного сооружения. Остатки тыновой или заплотной стены также сами по себе не могут стать основанием для локализации острога. Существует достаточно свидетельств того, что такие стены сооружались для ограждения дворов домохозяйств и других сооружений и территорий (посадов, слобод, тыном была огорожена тюрьма в Енисейском остроге) [Белов и др., 1980; Корчагин, 1999. С. 147; Черная, 2002. С. 45].

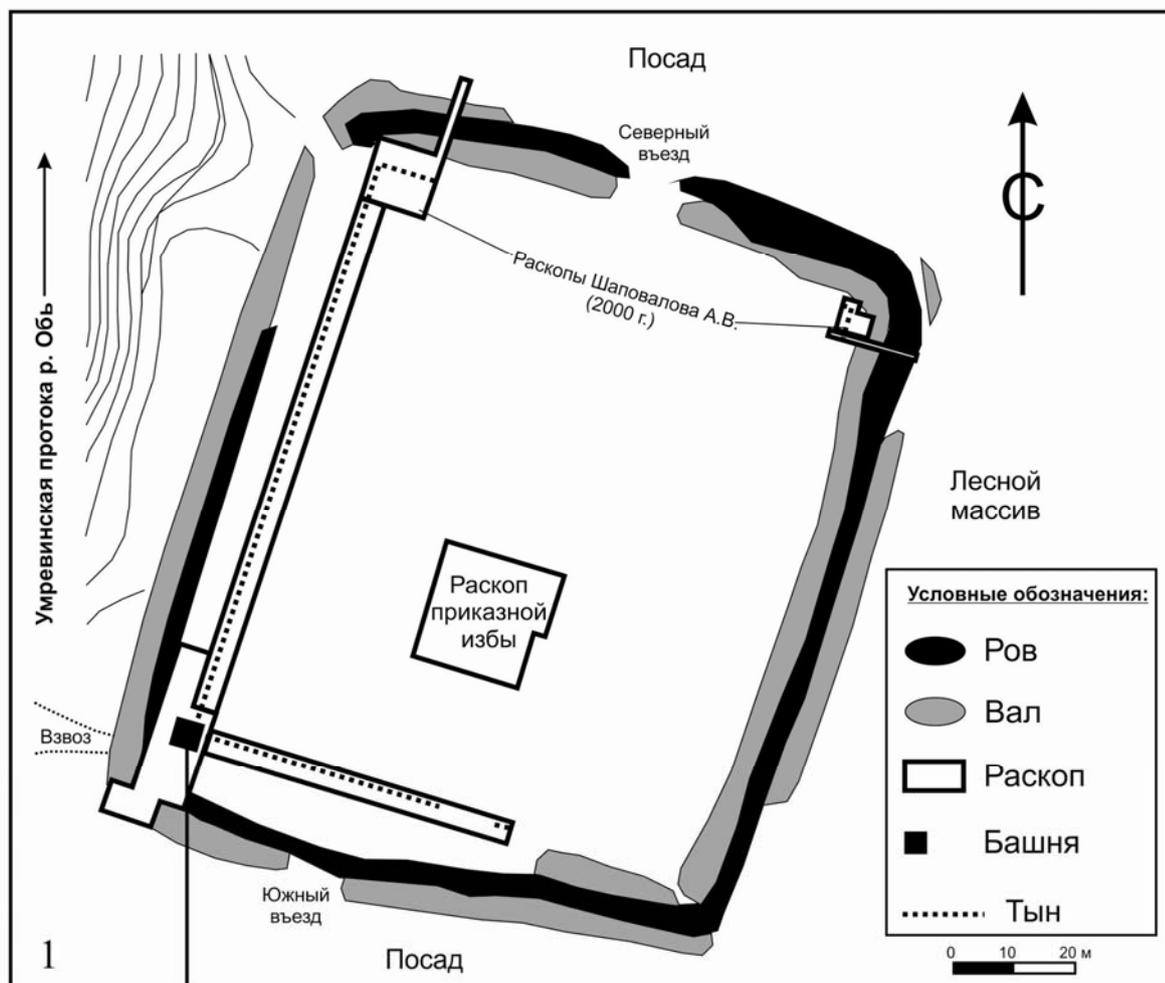
Существуют прецеденты ограждения тыном поселений аборигенов. Например, Надымский городок не только огорожен тыном, но и содержит в своем культурном слое русский предметный комплекс [Кардаш, 2000. С. 60, 61]. А в центре г. Айгун (Ман-

чжурский берег р. Амур) в 1867 г. располагалась крепость, в которой жил губернатор. Крепость представляла собой место, «огороженное толстыми кольями, врытыми вертикально в землю» [Пржевальский, 1870. С. 13].

Даже не всякое сочетание названных элементов позволяет уверенно идентифицировать памятник как острог. Например, остатки четырехугольного сруба с примыкающими к нему тыновыми стенами или заплотом могут оказаться остатками двора домохозяйства. Например, в Верхотурье часть стены, ограждавшей воеводский дом и хозяйственные перегородки, были тыновой конструкции [Корчагин, 1999. С. 147]. Иным примером может служить сочетание тына и башен Красноярского острога, которое интерпретируется как достаточно четкий маркер места расположения острога [Тарасов, 2002]. При этом конструкция башен весьма своеобразна. Они представляют собой внешний сруб 7×6 м, в который помещен еще один сруб, в свою очередь, помещен еще один сруб. Пространство между срубами заполнено грунтом [Николаева, 1963. С. 120]. Допуская возможность того, что это действительно башни особой конструкции, нужно указать на тот факт, что на Стадухинском поселении в ходе раскопок была выявлена аналогичная конструкция, которая была идентифицирована как амбар-ледник [Парфенов, 2000]. Такие прецеденты в очередной раз доказывают существование проблемы идентификации археологического памятника типа «острог» на местности и подтверждают важность привлечения материалов археологических раскопок других сибирских острогов для правильной интерпретации сделанных находок.

Проблема с атрибуцией археологического памятника в качестве острога возникает, как правило, в случаях, когда раскопки либо вовсе не производились, либо производились в ограниченных масштабах или не затрагивали территорию самого острога. Когда острог подвергается широкомасштабным раскопкам, объем накопленных материалов снимает вопрос о типе памятника. Так произошло с Умревинским острогом (см. рисунок), месторасположение которого в 1995 г. было предварительно установлено С. В. Колонцовым по остаткам земляных оборонительных сооружений в устье р. Ум-

¹ Скобелев С. Г., Шаповалов А. В. Светец из Саянского острога. URL: http://www.zaimka.ru/01_2002/skobelev_svetec (дата обращения 09.05.2011).

Археологический памятник «Умревинский острог»:
1 – план-схема; 2 – место примыкания западной и южной тыновых стен к юго-западной башне

рева (Мошковский р-н Новосибирской обл.). Сомнения в том, что обнаруженные рвы в действительности являются остатками острога, тем более справедливы, что в даль-

нейшем было установлено, что на территории внутри периметра рва располагался некрополь XIX в., а ограждение территории кладбища рвом было в традициях местного

русского населения, по крайней мере в XIX в. [Горохов, 2009]. В 2000 г. А. В. Шаповаловым проведены первые археологические раскопки Умревинского острога, в ходе которых была выявлена северная тыновая стена, но на обоих ее концах остатков башен обнаружено не было. Таким образом, необходимость атрибуции памятника как острога не была снята. В 2002 г. А. П. Бородовским в результате археологических раскопок были обнаружены остатки юго-западной башни острога и двух участков тына (южной и западной тыновых стен), что вкупе с прочими признаками острога, о которых говорилось выше, позволило уверенно атрибутировать памятник как Умревинский острог.

Русский острог в Сибири конца XVI – XVIII в. может быть уверенно идентифицирован как археологический памятник соответствующего типа только в случае проведения достаточно широкомасштабных археологических исследований, в результате которых будет накоплено достаточное количество фактов, совокупность которых однозначно будет свидетельствовать в пользу того, что исследованный памятник является острогом.

Список литературы

Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток: [Б.и.], 1999. 336 с.

Артемьев А. Р. Строительство городов и острогов Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. и типы оборонительных сооружений // Отечественная история. 1998. № 5. С. 140–147.

Баландин С. Н. Оборонная архитектура Сибири в XVII в. // Города Сибири (экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1974. С. 7–37.

Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Л.: Гидрометеиздат, 1980. Ч. 1. 164 с.

Бердников И. М. Особенности погребального обряда Спасского некрополя Иркутского острога // Вестн. Новосиб. гос. ун-та: Серия: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 5: Археология и этнография. С. 252–260.

Бородовский А. П., Горохов С. В. Умревинский острог. Археологические исследо-

вания 2002–2009 гг. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 244 с.

Бычков О. В. Бельская башня: к истории создания дозорного форпоста на русско-китайской границе // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (историко-археологические исследования). Владивосток: [Б.и.], 1995. Т. 2. С. 135–153.

Васильевский Р. С., Молодин В. И., Седакина Е. Ф. Исследования Илимского острога // Древние культуры Приангарья. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1978. С. 215–232.

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Археологические исследования Березовского городища // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во «Апельсин», 2008. С. 166–178.

Горохов С. В. Умревинский микрорайон археологических памятников // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск: Изд-во «Апельсин», 2009. С. 38–42.

Добжанский В. Н. К вопросу о местонахождении Кунгопского острога // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 42–49.

Добжанский В. Н., Ширин Ю. В. Кузнецкий острог 1618–1620 гг. // Аборигены и русские старожилы Притомья. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. С. 221–242.

Ермоленко А. В. Град Березов: опыт междисциплинарного исследования // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2006. Вып. 3. С. 234–238.

Кардаш О. В. Надымский городок и русское освоение севера Западной Сибири в XVII в. (по материалам археологических исследований) // Русские старожилы. Тобольск; Омск, 2000. С. 60–62.

Корчагин П. А. Археологическое изучение усадьбы конца XVII в. в г. Верхотурье // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. С. 146–149.

Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. М.: Стройиздат, 1978. 190 с.

Крадин Н. П. Русское деревянное оборонное зодчество. М.: Искусство, 1988. 192 с.

Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб., 1885. Ч. 1. 322 с.

Молодин В. И., Добжанский В. Н. Археологическое исследование Казымского острога // Древние культуры Алтая и Западной

Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 191–202.

Николаева И. Б. Раскопки на территории бывшего Красноярского острога // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск: Красноярск. кн. изд-во, 1963. С. 115–123.

Огурцов А. Ю. Типологическая классификация русских укрепленных пунктов в конце XVII – середине XVIII в. // Проблемы охраны и освоения культурно-исторических ландшафтов Сибири. Новосибирск: [Б.и.], 1986. С. 129–138.

Ополовникова Е. А. Русские крепости в Сибирском Заполярье // Памятники быта и хозяйственного освоения Сибири. Новосибирск: Наука, 1989. С. 64–75.

Парфенов И. В. Амбар-ледник, найденный на Стадухинском поселении // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. Т. 2. С. 41–42.

Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае, 1867–1869 гг. СПб.: Тип. Н. Неклюдова, 1870. 374 с.

Скобелев С. Г., Худяков Ю. С. Завершение раскопок площади двора Саянского острога // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2000 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. Т. 4. С. 394–404.

Тарасов А. Ю. Раскопки Покровского некрополя Красноярского острога // АО 2001 года. М.: Наука, 2002. С. 470–471.

Черная М. П. Томский кремль середины XVII – XVIII в.: проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск: Изд-во ТГУ, 2002. 187 с.

Steller G. W. Beschreibung von der Lande Kamtschatka // Jenseits des steinernen Tores. Leipzig: Verlag der Nation, 1963. S. 123–139.

Материал поступил в редколлегию 09.05.2011

S. V. Gorokhov

RUSSIAN OSTROG IN SIBERIA OF THE XVI–XVIII CENTURIES AS AN ARCHEOLOGICAL MONUMENT

The first part of the work is devoted to differentiating meanings of such terms as «zimovye» (winter hut), «ostrog» (stockade town), «gorod» (town), «krepost» (fortress), «kreml» (kremlin), which is performed on the basis of the literature review dealing with identifying the typical features of these objects in Siberia. The differentiation of meanings is based on the three main criteria, i.e. the historical, administrative and architectural and compositional ones, which does not consider the archeological specifics. The second part of the work deals with differentiating archeological characteristics of the «ostrog».

Keywords: archeological object, stockade town, winter hut, town, fortress, kremlin, Umrevinsky ostrog.